

ПСИХОЛОГИЯ МОТИВАЦИИ ИЛИ СОЦИОЛОГИЯ ОГРАНИЧЕНИЙ?

*Joachim Israel. Motivational Psychology or Sociology of Constraint? //
Revue Internationale de Sociologie, 1988, no.2, p.37–82.*

© *Fae Riviste-Franco Angeli, 1987*

Перевод к.ф.н. Е.В.Осиновой

1. НАТУРАЛИСТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ

Издавна существующий и прочно утвердившийся подход к объяснению причин человеческого поведения через «*движущие силы*» (driving forces) редко подвергается сомнению. Причинам человеческого поведения давали разные названия – «инстинкты», «побуждения» (drives), «желания» – в настоящее же время их обычно называют «потребностями». Во всех случаях общим для таких понятий, использовавшихся в социальных науках на протяжении их долгой истории, является объяснение человеческого поведения причинами-условиями, причем преобладают утверждения, что эти условия локализованы **внутри** человеческого организма. Данный подход опасно близок редукционизму: он не принимает в расчет (или по меньшей мере недооценивает) тот факт, что человеческие действия в значительной степени представляют собой взаимодействия, т.е. локализованы **между** индивидами и совершаются в социальных и социальных контекстах. Было бы неверно полагать, что последние функционируют исключительно ради удовлетворения потребностей – тех каузальных факторов, которыми, как утверждает, наделена индивидуальность.

Несмотря на то что теории мотивации, разработанные в различных психологических и социально-психологических системах координат, расходятся между собой и даже противоречат друг другу, они обладают уже упомянутым общим для них пониманием человеческого поведения как прежде всего **причинно обусловленного**. Причины же могут быть идентифицированы в качестве условий, созданных физиологическим состоянием человека или берущих начало в физиологии психологических сил. Следует отметить, что в психологии понятия «силы» – например, движущих сил мотивации – обычно используется в физикалистски-механицистски-органицистском контексте, причем эти три метафорических понятия могут тут выступать по отдельности или вместе, и им придается различная важность.

Этот подход, следовательно, принадлежит к семейству теорий с общим знаменателем, для которых характерен «натурализм». Натурализм означает, что человек рассматривается не просто как часть природы – так или иначе это признают все; натурализм означает, что природу, частью которой является человек, следует понимать в соответствии с канонами естествознания, сложившимися в результате научной революции XVII в.» (Taylor, 1985, p.2). Можно добавить, что сегодня в самих естественных науках эти каноны подвергаются сомнению и заменяются, например, канонами квантовой физики, в определенном смысле более полезными для социальных наук, нежели каноны классической механики (Israel, 1987, p.46).

Более того, натуралистический подход в социальных науках склонен принимать социальную реальность как нечто само собой разумеющееся, т.е. такой, какой она представляется эмпирически ориентированному мышлению. Затем это неосознанное положение становится незыблемой основой социальных наук. «Натурализм не объясняет, каким образом конституируется социальная реальность и поддерживается ее состояние, каким образом осуществляется ее интросубъективность или как действующие субъекты с их обычным мышлением интерпретируют свои действия и действия других» (Bernstein, 1978, p.138). Натуралистическое мышление совершенно игнорирует мысль о том, что мы сами конституируем социальную реальность, причем в двух аспектах. Во-первых, теоретически, в зависимости от того, как мы говорим о ней, с какими ее аспектами себя соотносим, – в общем, в какой перспективе мы ее рассматриваем. Во-вторых, мы конституируем социальную реальность материально, создавая объекты и придавая смысл им и их использованию.

Натуралистические теории пытаются объяснить человеческое поведение механистически и обычно говорят языком редукционизма. Случай, который мы обсуждаем здесь – например, употребление таких терминов, как «инстинкт», «побуждения», «потребности», – указывает на язык редукционизма, способный переводить объяснение с языка психологии на язык физиологии, который считается для психологии базисным.

Психология, равно как и другие позитивистски ориентированные социальные науки, в определенной мере приняла такие правила игры: «Действительно, теоретизирование в психологии вдохновляли в основном успехи других наук (физиологии, химии, механики), а также идея, что можно создать всеобъемлющую теорию человеческого поведения, если психология позаимствует постулаты и методы других наук» (Peters, 1963, p.2).

Перенимались же иногда не только постулаты и методы, но и сам язык различных естественных дисциплин (особенно механики) и их терминология. Ортодоксальный психоанализ и его понятийный аппарат являют собой в этом отношении яркий пример. «Фрейд, Гартман и др. сознательно говорили о силах, энергиях, функциях, структурах, аппаратах и принципах, чтобы утвердить и развивать психоанализ в русле физикалистской психобиологии» (Schaffer, 1976, p.104). Тот же автор подчеркивает, что понятие действия, если оно вообще употребляется, в традиционной теории психоанализа относится лишь к моторике или выходу эмоционально окрашенной и неконтролируемой активности. Традиционная теория психоанализа оперирует и выражениями вроде «психологического механизма» – например, механизма защиты. Более того, сама личность мыслится скорее как сочетание механизма и организма, а не как человеческое существо, характеризующееся использованием языка и способностью к осмысленному общению. Это кажется парадоксальным, если принять во внимание то обстоятельство, что традиционная теория психоанализа основана на «свободных ассоциациях» пациента. Однако рассказы пациента толкуются с помощью механицистской теории, хотя такие понятия, как «смысл», «намерение», «разумное основание» и т.д., не вписываются в натуралистический подход. «В соответствии с данной установкой происходит подмена понятий: «основание» превращается в «силы», «эмоциональная напряженность» – в «энергию», «активность» – в «функцию», «мысли» – в «представления», «аффекты» – в «разряды» или «сигналы», «поступки» – в «равнодействующие», а те особые способы, какими человек справляется с неизбежным разнообразием намерений, чувств и ситуаций, превращаются в структуры, механизмы и формы адаптации» (Schaffer, 1976, p.103).

Сартр, обсуждая проблему желаний, также выступает против натуралистических тенденций в психологии, в соответствии с которыми человек – всего лишь «комочек влечений или стремлений» (Sartre, 1966, p.713), обнаруживаемых в самом человеке и не связанных с окружающим его миром. Говоря о том, что он называет «экзистенциальными потребностями», Сартр отвергает идею, буд-

то бы эти потребности суть ни к чему не сводимые естественные качества, функционирующие как причины действия и трудно контролируемые. Напротив, он подчеркивает роль радикального решения в нашем действовании. В терминологии Сартра, желания – это не движущие силы, но основания для выбора определенного типа действий.

Как пример ошибочного использования понятия «мотивационных сил» Сартр приводит попытку объяснить «психологию» Флобера с помощью рассуждений о его юношеской «потребности в сильных чувствах», которая впоследствии была воплощена в его творчестве и таким образом удовлетворена. Сартр утверждает, что объяснение поведения Флобера в терминах, как он их называет, «абстрактных всеобщих законов», не объясняет ничего. На самом деле объяснения требует то, почему такие потребности, если они вообще существовали, заставили Флобера писать, но не заставили его, скажем, вести себя несдержанно. [...]

Абстрактные всеобщие законы, о которых говорит Сартр, играют главную роль в концепциях, являющихся еще одним источником понятия о «движущих силах» и развившихся одновременно с механистическим натурализмом. Речь идет о ключевом элементе индивидуалистической политической теории, основанной на понимании индивида как носителя субстанциальных свойств. «Важнейшее следствие такого понимания состоит в том, что, независимо от социального контекста, релевантные свойства индивидов принимаются как данность. Эти свойства – называют ли их инстинктами, способностями, потребностями, желаниями, правами или как-то еще – детерминируют конечные цели, осуществлению которых, как полагают, способствуют (в действительности или в идеале) социальные установления» (Lukes, 1973, p.73). Следовательно, индивидуалистическая концепция тоже наделяет человека «фиксированными и инвариантными психологическими свойствами», что, в свою очередь, «приводит к абстрактной концепции индивида» (ibid.). С другой стороны, считается, что общество должно способствовать реализации этих данных свойств, выражающих себя как движущие силы. Итак, складывается понятие чисто абстрактного индивида – «просто носителя неизменных свойств, детерминирующих его поведение» (ibid.). [...]

Далее, абстрактный индивид сопоставляется с обществом. Индивид и общество рассматриваются как два отдельных элемента, зачастую состоящие в конфликте друг с другом. В силу этого индивидуализм не приемлет концепции, согласно которой индивиды через посредство своих непрерывных социальных отношений конституируют общество и согласно которой конфликты возникают внутри самого общества, а не между индивидами и обществом. Данная концепция вошла в теорию марксизма.

В соответствии с индивидуалистическим подходом, постулируемая функция общества заключается в том, чтобы обеспечивать проявление в полной мере якобы присущих человеку неизменных движущих сил, стоящих за его внешним поведением. Вследствие этого социальные проблемы считаются индивидуальными проблемами, порожденными неудовлетворительным функционированием общества.

В итоге натуралистический подход в психологии мотивации полон механицистских метафор, заимствованных из классической физики, усвоенных позитивистской методологией и подкрепленных идеологией индивидуализма.

Позвольте подытожить представленные мною аргументы и добавить несколько соображений против мотивационного подхода. *Первое* соображение против применения этого подхода, в рамках которого употребляются такие термины, как «побуждения», «инстинкты», «потребности», рассматриваемые в качестве *побудительных сил* человеческого действия, – это неприятие натурализма, со всеми его методологическими и идеологическими последствиями¹. В противовес нату-

¹ Те, кто склоняется в пользу натуралистического подхода, обычно ссылаются на методологию и метафоры классической механики, забывая, что кван-

ралистическому подходу мы отдаем предпочтение *интеракционистскому* подходу, помещающему субъекта в рамки взаимодействий или взаимоотношений.

Во-вторых, при мотивационном подходе часто используют язык биологии. В результате «причины» человеческих действий представляются биологическими. Таким образом, возникает лишь особая версия натуралистического подхода, пытающаяся свести объяснение как социальных, так и психологических явлений с социологическо-психологического уровня на уровень биологический. Не отрицая необходимого характера биологической обусловленности человеческих действий, мы в то же время придерживаемся мнения, что она представляет для социальных наук второстепенный интерес (к тому же биологические объяснения обычно дают сильный крен в сторону политического консерватизма, что, впрочем, не столь важно в данном контексте). Заметим, что объяснения человеческих действий с точки зрения «здравого смысла» также нередко подвержены искажениям биологического толка, подкрепленных притязаниями натуралистической психологии мотивации.

Третье возражение против подхода с точки зрения «движущих сил» состоит в том, что он ведет к овеществлению человеческого и социального. Как уже упоминалось в связи с критикой Сартром натуралистического подхода, понятие «движущие силы» часто используют для оправдания действий, якобы неподконтрольных действующему субъекту, что позволяет утверждать, будто «движущие силы» подавляют «истинные» намерения субъекта. С этической точки зрения, это отнюдь не оригинальный способ избежать ответственности за свои поступки и переложить вину на неподконтрольные человеку силы. Таким образом, «внутренние» неподконтрольные факторы накладываются на «внешние», социальные неподконтрольные факторы, и создается впечатление полного овеществления.

Мы можем также выдвинуть и *четвертый* довод против натуралистического подхода. Объяснения в терминах сил мотивации зачастую не выходят за пределы логического круга. На вопрос: «Почему X по воскресеньям посещает церковь?» – ответ может звучать следующим образом: «Потому что у него есть потребность в религии». Потребность в религии, в свою очередь, косвенно проявляется в посещении церкви субъектом X. Разумеется, нам могут возразить, что мы сильно упрощаем, однако до тех пор, пока нельзя выявить независимые показатели движущих сил и поведения, которое, как предполагается, эти силы вызывают (а в большинстве случаев этого сделать нельзя), неизбежно движение рассуждений в логическом круге.

Позвольте привести еще один пример. В своей интересной статье И.Смедслунд утверждает, что психология вовсе не эмпирическая наука и что «в психологии общезначимые положения выражают «здравый смысл» и необходимо истинны» (Smedslund, 1981, p.241). Среди многочисленных примеров он разбирает хорошо известную гипотезу фрустрации-агрессии, заявляя, что агрессивное поведение предполагает наличие фрустрации. Более того, предполагается, что фрустрация всегда порождает агрессию. Данная гипотеза опровергнута: фрустрация не всегда предшествует агрессивному поведению, и фрустрация может вызывать иные, чем агрессия, типы поведения – например, депрессию. Смедслунд тем не менее пробует доказать, что у данной гипотезы сохраняется реальное основание, которое объясняет ее интуитивную привлекательность: «Это связь между фрустрацией как условием и гневом как состоянием», что вовсе не тождественно агрессивности. «В обыденном языке о чело-

товая физика была вынуждена отказаться от догм классической механики – от атомизма, детерминизма и механицизма, – заменив их холистским, вероятностным и интеракционистским подходом. Если обществоведы желают найти прототип «натуралистического подхода», им следует обратиться к квантовой физике и ее гносеологическим принципам.

веке говорят, что он пребывает в гневе *по поводу* чего-то. Бессмысленно говорить, что субъект Р разгневан чем-то, что предполагает приятные последствия; бессмысленно и утверждать, что Р разгневан чем-то неприятным самим по себе, не связанным с тем, чего желает Р... То, чем человек разгневан, должно, чтобы иметь смысл, обязательно предполагать фрустрацию» (Smedslund, 1984, p.256). Если переформулировать таким образом гипотезу фрустрации-агрессии, то, по словам Смедслунда, она становится объяснением на основе здравого смысла, неслучайным и истинным. Если дело обстоит именно так, то следует не развлекаться проведением многочисленных психологических экспериментов, чтобы подкрепить доказательствами данную связь, а скорее сосредоточиться на изучении речевых действий человека, наблюдаемого в состоянии фрустрации. Этот же аргумент можно выдвинуть для множества случаев эмпирических отношений, обнаруживаемых при исследованиях, основанных на теории мотивации. Их следует объяснять путем анализа используемого языка здравого смысла. Подробно я буду говорить об этом ниже.

2. ПРИЧИНЫ ИЛИ ОСНОВАНИЯ ДЕЙСТВИЯ

Один из основных аргументов против психологии мотивации состоит в том, что она неосознанно опирается на предположение о своей способности или, по крайней мере, своем старании объяснить *причины* человеческого действия. В аналитической философии давно идет спор между сторонниками теорий, объясняющих (ментальные) *причины* действия, и теми, кто предлагает некаузальную теорию, рассуждая об *основаниях* действия. Эти два подхода отражают «различные и в конечном счете непримиримые *метафизические и эпистемологические позиции*» (Flojstad, 1986, p.3), истоки которых можно проследить соответственно до Декарта и Спинозы.

Вкратце, первая проблема, вокруг которой ведется спор, касается различия простого движения и действия, для которого важно понятие «цели»: «Согласно теории целеполагания, движение становится действием именно за счет того, что движение должно характеризоваться и объясняться скорее ссылкой на цель, нежели некоей предшествующей (юмовской) причиной» (Tuomela, 1986, p.17). Введение телеологической категории «цель» требует и введения понятия «намерения».

Вторая проблема касается выявления того, что подразумевается под «интенциональностью действия». Действие становится намеренным, когда действующий субъект нацелен на что-то или придает своим действиям некий смысл. В этом отношении действие и его понимание параллельны пониманию смысла предложения в данной языковой игре. Общим для интенциональности и языка является также тот факт, что если действие одного индивида направлено на другого индивида, то оно может привести ко взаимному осознанию и признанию ими намерений друг друга и реакции на них. Отсюда следует, что, говоря о намерениях и обоснованиях вместо причин, мы помещаем анализ действия в контекст интеракции.

Третья проблема относится к *объяснению* интенционального действия путем обращения к *основаниям* действия. С этой точки зрения, основания действий и сами действия связаны *логически*. Способность агента указать основания своих действий, равно как и восприятие различными наблюдателями оснований действия, конституируют интенциональность действия и его последующее объяснение в этих рамках.

В замене причинной схемы объяснения объяснением через основания действия предполагается еще один методологический принцип. В дополнение к преимуществам подобной замены, указанным выше, можно выдвинуть еще одно соображение. Каузальные объяснения требуют, чтобы при определенных заданных условиях изменение одной переменной было достаточным условием

изменения другой. Обычно в теориях мотивации возможно установить необходимые условия изменения в поведении. Установить же достаточные предшествующие условия изменения в поведении намного сложнее или даже невозможно (см. Peters, 1963).

Указать основания действия – значит определить, какую цель преследует действующий субъект. В данном типе объяснения могут в скрытом виде сохраняться предположения относительно эффективности действия в достижении цели, последовательности, с которой совершается действие, социальной приемлемости действия, на что указывает соблюдение социальных норм, и т.д. Другими словами, могут быть косвенно выражены предположения относительно рациональности действия. И наконец, указанные или приписываемые основания могут быть «истинными», а могут и не быть таковыми, поскольку человек мог их выдвинуть, чтобы скрыть от себя и от других истинные основания, которые могут смущать, могут считаться аморальными или могут быть подвержены другим запретам, основанным на социальных нормах².

Из нашего краткого обсуждения важнейшего философского вопроса напрашивается вывод о том, что у нас нет нужды объяснять, какие же факторы служат «причинами», заставляющими людей действовать. Во-первых, действие является сущностным состоянием человека: «Действовать в самом общем смысле означает проявлять инициативу», – пишет Ханна Арендт (Arendt, 1958, p.176). Мы все время проявляем инициативу. Совершенно пассивного, парализованного или неподвижного индивида считают необычным, ненормальным или нездоровым, в общем, отличающимся от «нормального». Вследствие этого мы должны не задаваться вопросом о том, что служит причиной наших действий, а должны принимать факт наших действий за данность, поскольку совершение действий – естественное состояние человека, и, следовательно, человек по определению активен и действует. Мы должны спросить: «Каковы цели наших действий?», «Чего мы хотим достичь, какими средствами и чего мы стремимся избежать?», «Какой смысл имеет конкретный акт для действующего субъекта и тех, кто наблюдает за действием?», «Какова цель действия?» и т.д. В принципе нас должен интересовать контекст, в котором происходит действие, и этот социальный контекст должен приниматься во внимание, если мы желаем дать объяснение действию.

Далее, я хотел бы подчеркнуть мысль о спонтанности действия, о его непосредственной данности. Такая мысль противоречит традиционным представлениям о человеке, функционирующем подобно механизму – не действующем, а в основном реагирующем на стимулы, которые возникают во внешней среде или исходят «изнутри» человека, рассматриваемого как организм.

Традиционная теория мотивации предлагает модель объяснения через факторы, стоящие за действием и вызывающие его. Объяснения, основанные на мотивационной модели, неизбежно превращаются в объяснения *ex post facto*, за исключением тех экспериментов, в которых факторами манипулировали (но, как известно, экспериментальное манипулирование удается по большей части только с крысами). Как указывалось выше, здесь высок риск попасть в логический круг. Считая действие само собой разумеющимся условием человеческого существования, мы можем сосредоточиться на факторах, присутствующих не за дей-

² Р.С.Петерс вводит различие между «объяснением с помощью его основания» и «объяснением с помощью собственно обоснования». Объяснение с помощью «его основания» – это объяснение в терминах логики ситуации, т.е. логики данных обстоятельств. «Объяснение с помощью *собственно основания*» предполагает, что основания, представленные человеком, «неистинны». Отсюда, «его основание», истинно оно или неистинно, «предполагает осознание человеком своей цели» (Peters, 1963, p.9). «Собственно основание» может совершенно отличаться от осознанной цели, поскольку объяснение данного типа субъекту приписывается.

ствием, а *впереди* него, т.е. на препятствиях или ограничениях, равно как и на тех условиях, что облегчают совершение действия. Ограничения могут помешать человеку действовать в соответствии с его намерениями или могут заставить его действовать вразрез со своими намерениями, что, собственно, и должно представлять для нас интерес. Факторы, ограничивающие или облегчающие действие, могут послужить основой для альтернативной модели, изучающей условия, находящиеся впереди, а не за действием (т.е. модели, изучающей изменение), и, таким образом, позволят избежать объяснений *ex post facto*. В обоих случаях мы изучаем условия, находящиеся в контексте действия. Иными словами, мы переносим внимание с происходящего в человеке – как силы мотивации – на происходящее *между* действующим субъектом и его физической и социальной средой. Ограничение, например, касается отношений между действующим субъектом и кем-либо или чем-либо, взаимодействующим с ним. Такова основа *реляционного подхода*, о котором речь пойдет далее.

Итак, резюмируем наш проект. Во-первых, поскольку такие термины, как «потребности» в смысле движущих сил, как правило, включаются в лексику здравого смысла, мы предлагаем прежде всего проанализировать языковые игры, в которых применяются эти понятия мотивации, и объяснить их социальную функцию.

Во-вторых, мы намерены предложить теорию ограничений действия в качестве альтернативы традиционной теории психологии мотивации.

3. ДЕСЯТЬ ОСНОВНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ АЛЬТЕРНАТИВНОГО РЕЛАЦИОННОГО ПОДХОДА

Теперь можно перейти к основным соображениям, касающимся указанного альтернативного реляционного подхода. Я суммирую их в десяти пунктах.

1. Я буду говорить не о «поведении», но о действии, чтобы не сложилось впечатление, будто данный подход имеет отношение к традиционным бихевиористским положениям и их метафизическим основам.

2. В свою очередь, термин «действие» предполагает использование таких выражений, как «намерения», «замыслы» (*purposes*), «цели» и т.д., которые нуждаются в объяснении. Однако предполагается, что между «намерением», «действием» и «целью» существует *концептуальная* связь.

3. Смена терминологии не случайна, поскольку мы сознательно стремимся отказаться от подхода, в котором речь идет о причинах действия, в пользу подхода, отсылающего к основаниям совершения действия.

4. Поскольку понятия о движущих силах мотивации используются в обычной речи, в языке здравого смысла, чрезвычайно важно проанализировать различные социальные контексты их употребления, так же, как и скрытые посылки, на которых это употребление строится.

5. В общем, использование в обыденной речи таких терминов, как «потребности», не позволяет признать правильность каких бы то ни было утверждений, что эти слова отсылают к «объективно» существующим факторам или состояниям человеческого организма (это можно было бы использовать при ответах на вопросы вроде: «Почему человек X действует именно таким образом, как мы это наблюдаем?»).

6. Одно дело – поиск факторов мотивации, попытки сосредоточить исследование именно на этом. Совсем иная стратегия – предполагать, что понятия мотивации составляют всего лишь особый словарь (*vocabulary*), и исследовать использование этого словаря в каком-либо данном социальном контексте.

7. Различия двух альтернативных подходов и в теоретическом, и в практическом отношении можно в основном свести к тому, что при объяснении поведения через мотивационные силы, как в психологии мотивации, акцент делает-

ся на изучение психологических *механизмов*. Во втором же случае, при анализе словарей мотивации, упор делается на их социологическую функцию. В результате поле исследования смещается с психологии на анализ языка в рамках социологии знания.

8. Психологию мотивации, а также большую часть психологических объяснений в целом можно рассматривать как *способы говорить* о человеческих действиях, буквально как *виды речевых выражений* и ничего более. Это совокупности понятий (vocabularies), получившие объяснительную ценность самим фактом того, что люди в них верят, принимают их, например, за решения своих проблем и в некоторых случаях решают изменить свои повседневные действия и взаимодействия. Как следствие, истинность подобных «объяснений» может быть «доказана» в той мере, в какой люди принимают их в качестве объяснений.

9. Помимо лингвистического анализа терминологии мотивации, мы предложим основы теории ограничений, не позволяющих человеку достигать поставленные им цели или применять избранные им средства. Мы также добавим сюда предположения относительно условий, облегчающих достижение цели.

10. Данный теоретический подход требует изменения привычных представлений о «природе человека», предполагаемых или внятно формулируемых в качестве предварительных условий психологических теорий (например, бихевиоризм предполагает, что человек – это робот, функционирующий по схеме стимул–реакция). Короче говоря, человека характеризует *употребление языка*: способность человека правильно говорить и выражать себя посредством коммуникативного действия рассматривается как его главная особенность (Israel, 1979a). По логическим основаниям, язык необходимо социален, в отличие, скажем, от индивидуального чувственного опыта. Отсюда следует, что человек как существо, употребляющее язык, необходимо рассматривается как существо социальное. В свою очередь, это означает, что человек различным образом соотносит себя как с другими человеческими существами, так и с материальным миром. В силу этого упор следует делать на том, что происходит *между* человеком и его средой, а не на том, что совершается в нем самом.

4. СЛОВАРЬ МОТИВАЦИИ

Ч.Р.Миллс однажды выдвинул следующий тезис: «В противовес искусственно выведенному понятию о мотивах как субъективном «источнике» действия, мотивы можно рассматривать как типические словари, имеющие фиксируемые функции в определенных общественных ситуациях» (Mills, 1963, p.49).

Миллс добавлял, что, употребляя обыденную речь, действующие индивиды вменяют мотивы поведения себе и другим. В результате вопрос ставится так: почему и при каких условиях мы приписываем себе и другим силы мотивации, подталкивающие нас действовать? Один из ответов заключается в том, что силы мотивации служат причинами наших действий. Такова стратегия психологии мотивации, психоанализа и многих подходов в социальной психологии. В этой связи стоит упомянуть обширную литературу по мотивации труда. Литература по данной теме, очень популярная среди изучающих теории менеджмента и лидерства, часто «основана по преимуществу на метафоре кнута и пряника» (Sievers, 1984).

В качестве альтернативы вере во «внутренние движущие силы» и в их психологическое влияние на наши действия Ч.Р.Миллс предлагает перенести акцент на изучение языка мотивации, используемого в конкретных социальных ситуациях. Как упоминалось выше, это равнозначно замене психологии мотивации социологией языка и социологией знания.

Иными словами, человеческие действия и, в особенности, *взаимодействия* объясняются уже не на психологическом уровне, помещающем причины дей-

ствия внутри человека, но на уровне взаимодействия, где ведется поиск оснований для использования определенного словаря.

Одно дело – мотивы «абстрактные», говорит Миллс, развивая свою идею, но совершенно другое дело – анализ наблюдаемых языковых механизмов вменения и признания мотивов, действующих при совершении поступков. В последнем случае мы признаемся, что в обыденной речи, как и в научных языках, мы применяем словарь мотивации, и нам интересен его смысл, его функции, ситуации, в которых его можно употреблять, и т.д. Что касается обыденного языка, то мы можем отыскать и проанализировать конкретные исторические условия, в которых применялась терминология мотивации и ее нынешнее конкретно-классовое употребление. Таким образом, наши усилия направляются на проблемы эпистемологии, а также социологию знания.

Мы приписываем себе и другим силы мотивации, например, «потребности» и «влечения» в контексте *описания, анализа и объяснения* действий человека, а также их *защиты и легитимации*. Данный процесс имеет место и в таких ситуациях, когда одно лицо пытается убедить других следовать определенному образу действия. Мы употребляем мотивационные выражения в контексте описания и объяснения человеческих действий, когда они особенно озадачивают: «В качестве слова *мотив стремится быть для действующего и других участников ситуации неоспоримым ответом на вопросы, касающиеся социального и речевого поведения*» (Mills, 1963, p.433).

Подводя итог, можно сказать, что словари, или терминология мотивации, выделяют три основные социолингвистические функции. *Во-первых*, они используются при ответе на вопросы относительно причин или оснований действий. Другими словами, мы прибегаем к словарю мотивации, когда пытаемся обосновать собственные или чужие действия, особенно необычные или странные. Возьмем для примера человека, бегущего, рискуя жизнью, через улицу с интенсивным движением к табачному киоску перед самым его закрытием. В терминах «потребностей», если предположить, что они являются движущими силами, можно было объяснить его поведение «чрезвычайно высокой потребностью» в куреве. Возьмем другой пример: допустим, человека предупреждают, что, продолжая курить, он подвергает себя риску заболеть раком легких. На это он может ответить: «У меня такая потребность в курении!» – предполагая, что есть внутренние силы, которые он не способен проконтролировать и которые понуждают его делать то, чего он, может быть, и не хочет. Возможно, говоря это, он на самом деле имеет в виду, что не намеревается бросать курить. Такое поведение можно охарактеризовать как отчужденное, позволяющее человеку избегать принятия на себя ответственности за свое поведение.

Анализ преступления – еще один пример употребления словаря мотивации при выяснении обоснования («обоснования преступником») совершения преступления. Обычно полиция выясняет мотивы преступного действия, поскольку немотивированные преступления трудны для понимания, и к тому же, могут осложнить полицейское расследование. Однако в данном контексте термин «мотив» зачастую относят к цели преступного действия. Гораздо реже преступное действие приписывают внутренним побудительным силам субъекта, которые он не в состоянии контролировать. В тех случаях, когда принимают подобное предположение, наказание заменяют лечением в психиатрической больнице (такова, по крайней мере, шведская правовая практика).

Эти примеры относятся к контексту применения словаря мотивации для объяснения оснований действия. Являются ли «правильными» объяснениями реальные или приписываемые основания действия – вопрос второстепенный. Важно, однако, обратить внимание на тот факт, что словарь мотивации используется в *целях объяснения*.

Скотт и Лайман развили эту идею дальше, введя понятие «отчет» («account»). Согласно их определению, отчет – это выступление социального деятеля с объяснением непредусмотренных действий. При этом неважно, чьи это действия – его

собственные или чужие; неважно и то, считается ли, что ближайшая «причина» действия – в самом действующем или в ком-либо другом (Scott and Lyman, 1968, p.469). Авторы различают два типа отчетов: извинения и оправдания. Извинения – это отчеты, в которых субъект принимает на себя ответственность за свое действие, но отрицает неблагоприятность намерений. [...] Следовательно, если человек делает то, чего не желал делать, или не делает того, чего хотел бы, это можно приписать неподконтрольным силам, обуревающим его самого³.

Вторая функция словаря мотивации заключается, как указывалось, в легитимации и оправдании действия. Третья функция – контроль за действиями других и манипулирование ими. Политики, например, могут говорить своим избирателям, что существует жизненно необходимая «потребность» в создании новой системы вооружений для обеспечения базовой «потребности» в национальной безопасности.

Задача социологии знания, изучающей терминологию мотивации, состоит не только в идентификации социальной ситуации, в которой используется мотивационный словарь, но и в исследовании изменений в нем⁴.

«Необходимо определить место всех этих терминологий мотивации как словарей мотивов в соответствующих исторических эпохах и конкретных ситуациях. Мотивы не обладают никакой ценностью в отрыве от конкретных общественных ситуаций, описанию которых они служат» (Mills, 1963, p.452). [...]

5. РЕЛАЦИОННЫЙ ПОДХОД

Реляционный подход не следует путать с релятивистским, подчеркивающим относительность существующих знаний, ценностей, обычаев и поведения. В отличие от последнего, реляционный подход, как мы его понимаем, содержит *методологические* и *гносеологические* постулаты.

Один из *методологических* постулатов можно сформулировать следующим образом: базовая единица социального научного анализа – отношение. Эlemen-

³ В теориях отчуждения обычно говорится о внешних по отношению к действующему субъекту силах, которые либо вынуждают его совершать действие, либо препятствуют ему совершить действия в соответствии с его намерением. Они считаются неподвластными действующему субъекту и противоречащими его сокровенным намерениям (например, «невидимая рука» рынка). Внешние силы овеществления существуют наряду с внутренними силами, имеющими овеществляющее воздействие на действующего субъекта. Однако индивид всегда может сделать выбор, действовать или не действовать, при условии, что он готов принять последствия своего решения.

⁴ Для примера изменения терминологии можно сослаться на книгу К.Каутского, изданную в 1906 г. В ней он говорит о *социальных влечениях* в противовес *индивидуальным влечениям* к самосохранению и воспроизводству рода. Последние можно обнаружить и у животных. «Социальные влечения» носят иной характер: «Серия влечений, – пишет он, – создает предварительные условия для развития любого типа общества». Среди влечений он упоминает альтруизм, мужество, верность, дисциплинированность и т.д. (Цитируется по О.Вауер, 1970.) Сегодня терминология Каутского может показаться странной, как и термин «инстинкт» для описания человеческого действия. Следует, однако, помнить, что Каутский писал свою книгу в то время, когда Фрейд разрабатывал теорию психоанализа, говоря об инстинктах и влечениях – например, сексуальных влечениях в противовес влечениям самосохранения. Он сознательно использовал натуралистическую терминологию. Тем не менее в психоанализе продолжается традиция описания в терминах «влечений», даже при том, что их смысл изменился.

ты, связанные между собой отношением, сами могут представлять собой отношения. В качестве таковых они детерминируются отношениями и сами детерминируют отношения в непрерывном процессе действия, т.е. изменений. Говорить о том, что социальные факты – это отношения, означает, что:

1) сами элементы научного социального анализа представляют собой не изолированные факторы, не атомы, а отношения;

2) эти отношения имеют не внешний, а внутренний характер, т.е. они, «будучи интегральными частями более общего целого, содержат в себе те части, с которыми они связаны якобы чисто внешне» (Ollman, 1971, p.15). Другими словами, отношения, кажущиеся нам внешними, например каузальные отношения, имеют внутренний характер, если анализировать их в рамках данной теории;

3) элементы базовых единиц научного социального анализа, т.е. отношения, сами часто суть отношения и сплетают сеть отношений, так что можно говорить об отношениях отношений, или соотносительности (Israel, 1979). Более того, поскольку эти отношения рассматриваются в качестве непрерывных процессов, они изменяют друг друга в самом процессе соотношения.

Примером подобной реляционной позиции может служить следующая цитата из Маркса: «Капитал – это не вещь, а определенное, общественное, принадлежащее определенной исторической формации общества производственное отношение, которое представлено в вещи и придает этой вещи специфический общественный характер» (Маркс, 1956, т.25, ч.2, с.380–381, курсив мой. – И.И.). В этой цитате обнаруживает себя один аспект диалектического мышления, родственной логике Гегеля: различение того, какой некая вещь нам кажется, как она проявляется в нашем опыте, и ее сущности, которую мы можем ухватить путем рефлексии нашего опыта, пытаясь представить его теоретически. Чтобы уяснить сущностный характер какой-либо вещи, недостаточно полагаться на наш чувственный опыт. Мы должны его рефлексировать, пытаясь проникнуть в сущностные свойства. Социальные факты, понимаемые как отношения, *опосредованы*, т.е. произведены познанием и помещены в теоретические рамки.

Простулат, требующий рассматривать социальные факты как отношения, совершенно очевидно противоречит методологическим установкам Дюркгейма, требующим рассматривать социальные факты как вещи. В чем же суть вещи, по Дюркгейму? Мир вещей включает все объекты, которые нельзя постичь путем чисто мыслительной деятельности, т.е. объекты, требующие для их понимания данных, полученных извне сознания, пишет Дюркгейм (Дюркгейм, 1991, с.432). Однако даже если мы рассматриваем социальные факты как отношения, помещенные в рамках теории, мы все же не изобретаем их. В противном случае наша научная деятельность превратилась бы в научную фантастику. К тому же Дюркгейм приписывает социальным фактам, рассматриваемым как вещи, три характеристики. Во-первых, вещи существуют вне индивидуального сознания. Они «закключаются в том самом обществе, которое их создает, а не в его частях, т.е. в его членах» (Дюркгейм, 1991, с.399). Однако стоит задать вопросом о том, каким образом общество как таковое, без участия своих членов, может что-либо создать? Далее, даже если факты «закключаются» вне сознания, социальными фактами их все же делает наше знание о них, т.е. те способы, с помощью которых мы их описываем и говорим о них.

Во-вторых, социальные факты как вещи суть ограничения на действия любого индивида, поскольку они обладают силой принуждения, «вследствие которой они навязываются ему независимо от его желания» (ibid.). Ограничения, в том смысле, в каком мы будем говорить о них, выступают в роли *отношений* между преднамеренными действиями индивида или группы. Они выступают также в качестве целей этих действий и условий, препятствующих совершению действия или достижению цели или препятствующих максимальной изменчивости самого действия. Следует добавить, что ограничения не способны заставить нас воздержаться от наших действий или отказаться от своих целей,

если мы не боимся их последствий, иначе, например, преступление как социальный факт было бы невозможно.

И наконец, в-третьих, если социальные факты считают вещами, то их рассматривают как коллективные представления в том смысле, что они: а) возникают вне индивидуального сознания; б) относятся к чему-то общему для членов общества. Если понятие «коллективных представлений» вообще имеет смысл, что проблематично, то было бы правильным сказать, что коллективные представления, возможно, возникли независимо от ряда данных индивидов, но не независимо от какого бы то ни было индивида. Мы появляемся на свет в обществе с уже существующим (данным) языком, наличной (данной) экономической и политической нормативной системами и т.д.; однако именно индивиды производят, воспроизводят и преобразуют эти системы в ходе непрерывного общественного процесса. Таковы в принципе методологические постулаты реляционного подхода.

Эпистемологический же постулат можно сформулировать следующим образом: человек не является более или менее пассивным реципиентом впечатлений и ощущений, как то полагают некоторые эмпирики. Не является и наше познание зеркальным отражением «внешнего» мира в нашем сознании. К окружающему нас миру мы относимся активно и производим знание о нем. Будучи весьма разнообразными, наши способы соотносить себя с миром никогда не могут быть полностью субъективными и произвольными. На наши действия, посредством которых мы соотносим себя с миром, налагаются ограничения, заставляющие нас размышлять о нашей деятельности по соотносению себя с миром и изменять ее. Мы «производим» мир и в то же время сами являемся его «продуктом»: мы субъективируем мир, а ограничения и препятствия на нашем пути объективируют нас. Мир есть творение человеческое: во-первых, мы творим его материально, через труд; во-вторых, мы творим знание о нем, соотнося себя с ним.

Способы соотношения с миром могут быть описаны средствами языка. Можно описать мир разнообразно, но не тотально. Явление – например, мотивы человека – можно описать языком психологии, социологии, философии, физиологии, химии, поэзии и т.д. Все эти описания передают лишь частичное знание, иногда носящее комплементарный, а иногда противоречивый характер. Тотальное, или законченное, описание невозможно, но частичное, неполное знание, которым мы обладаем, можно заключить в теоретические рамки тотальности.

Отношение между нашим знанием и тем, о чем мы имеем знание, т.е. в общих словах между языком и миром, не является внешним отношением. Предположение о том, что мы можем сравнивать то, что мы говорим о мире, с «реальным» миром, противоречиво, поскольку это все равно что предположить, будто существующий мир уже хорошо описан до того, как мы дали его описание, а наша задача состоит в том, чтобы открыть «уже хорошо описанный мир». Во-первых, мы не открываем, а конструируем мир, создавая его описание. «Мир просто есть, в отличие от описаний мира. Только описания мира могут быть истинными или ложными». Во-вторых, «мир ничего не говорит. Говорим только мы. Раз мы «запрограммировали» себя языком, мир может заставить нас придерживаться убеждений, но он не может дать нам язык, чтобы мы могли говорить. На это способны только другие люди» (Rorty, 1986).

В ранее приведенной цитате из Дюркгейма, в которой он различает «мыслительную деятельность» и «данные, полученные извне», мы сталкиваемся с традиционным, идущим от Декарта дуалистическим разделением мира на тот, что существует в нашем «сознании», и другой, «внешний мир». Толкование Дюркгеймом понятия «вещь» имеет этот источник. Согласно Декарту, вещь не нуждается в другой вещи, чтобы существовать. Картезианская традиция предполагает существование *внешних* связей: вещи таковы, каковы они есть, в силу своей особой «субстанции». Мы же пытаемся преодолеть дуалистическую позицию с помощью своего реляционного подхода, что означает замену дуализма

холизмом, внешних отношений и связей – внутренними, атомизма – взаимосотнесенностью (подробнее см. Israel, 1979a; 1982a).

Эпистемологический постулат служит основой методологического подхода, на котором мы и сосредоточим внимание, равно как и на следствиях из него.

В своих знаменитых тезисах о Фейербахе Маркс писал, что «сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность общественных отношений» (Маркс, 1956, т.3, с.3).

Маркс *не* говорит, что сущность человека – результат его общественных отношений, его взаимодействий. Выдвигать тезис о том, что человек – результат или продукт своих общественных отношений, – банальность в социологическом теоретизировании, хотя и не редкая. Позиция Маркса – более сложная. Он утверждает, что человек сам производит общественные отношения, продуктом которых является, он – их производитель и продукт одновременно.

Маркс говорил, что сущность человека *есть совокупность* его общественных отношений. Центральным для толкования его тезиса является смысл, вкладываемый в связку «есть». В обыденной речи связка «есть» употребляется в двух значениях: во-первых, «есть» означает «быть идентичным чему-то» (например, «Карл Густав» идентичен «королю Швеции»); во-вторых, связка «есть» означает «принадлежность к классу» (например, «стол коричневый» означает, что «стол принадлежит к классу коричневых предметов»). В данном случае Маркс следовал своему учителю Гегелю и его логике. Гегель же ясно показал, что «есть» может иметь и третье значение: указывать на *сущностные характеристики*.

Итак, мы будем толковать Маркса следующим образом: если мы хотим дать описание «сущности» человека, мы не должны употреблять случайные предикаты (например, «коричневый» – случайный предикат по отношению к столу, не дающий описания ничего сущностного для функционирования «хорошего» стола). Если мы хотим охарактеризовать сущность человека, т.е. существенное и необходимое для него, то, по Марксу, мы должны дать ее описание в терминах общественных отношений человека. Нам не следует ссылаться на абстрактную антропологическо-философскую сущность, независимую от исторически данных общественных условий, в чем Маркс обвинял Фейербаха. Если мы хотим узнать что-либо о человеке, мы должны исследовать его в существующих общественных отношениях, что ни в коей мере не тождественно определению природы человека. Маркс сформулировал методологическое правило, как мы *должны* изучать человека в качестве социального существа. [...]

Перейдем теперь к рассмотрению реляционного постулата на уровне социального действия, т.е. взаимодействия между индивидами. Возможность человека действовать частично ограничена его биологическим и физиологическим строением (хотя современная техника позволяет преодолеть некоторые из этих ограничений) и частично связана социальными ограничениями. Однако человек представляет собой не только *объект* существующих условий, над которыми он не имеет контроля и которые являются частью его общественных отношений, – человек является также активным производящим и творящим *субъектом*, пытающимся преодолеть существующие ограничения.

В том виде, в каком оно здесь рассматривается, взаимодействие характеризуется низкой степенью институционализации. Если взаимодействие происходит в формальной обстановке с большим числом участников, то оно характеризуется институциональными правилами и контрактными отношениями, определяющими обязанности и права участников и очерчивающими пределы их свободного взаимодействия. Следовательно, правила создают ограничения взаимодействия, когда оно происходит в *организационной обстановке*.

При взаимодействии человек принимает на себя роль субъекта, когда он иницирует взаимодействие, точно так же, как он принимает на себя и роль объекта, когда другой человек реагирует на его инициативу (если в данной обстановке властные отношения равноправны). Именно взаимодействие с дру-

гими, т.е. социальные отношения, конституирует человека как социальное существо и как личность. Изменяя свои социальные отношения, он изменяет и свою личность. Он не остается той же самой личностью. Следовательно, «личность» индивида не следует понимать как набор «психологических черт» и врожденных, а также благоприобретенных условий – вроде потребностей, существующих в индивиде.

Личность человека конституируют его предшествовавшие действия и взаимодействия и их сохраняющиеся наблюдаемые результаты. Они, в свою очередь, подвергаются влиянию действий других людей по отношению к человеку, особенно «значимых других», если использовать понятие, введенное в оборот Дж.Г.Мидом.

Мид отстаивает тезис, что Эго или Я может появиться только в ходе социального процесса, в котором Я берет свое начало. Социальное взаимодействие не предполагает существование Я в качестве предварительного условия – наоборот, Я возникает в процессе социального взаимодействия. В свою очередь, Я может быть объектом по отношению к самому себе: «Я как нечто, что может быть объектом для самого себя, по существу своему есть социальная структура и возникает из социального опыта. Возникнув, Я в определенном смысле обеспечивает себя собственным социальным опытом» (Mead, 1965, p.204).

Даже сознание не рассматривается как качество или сущность, которому, как атрибуты, могут быть приписаны состояния и процессы. Л.Витгенштейн задался вопросом о том, как возникает философская проблема «ментальных» состояний и процессов. На него он отвечает, что дело заключается в удивительном трюке: «Первый шаг совершенно незаметен: мы говорим о состояниях и процессах, оставляя вопрос об их природе нерешенным. Когда-нибудь, возможно, мы будем знать о них больше, думаем мы. Однако именно это склоняет нас к определенному углу зрения на проблему, поскольку у нас есть конкретное представление о том, что именно означает научиться лучше знать процесс» (Wittgenstein, 1968, p.308). Мы сами себе противоречим: для того чтобы иметь возможность сказать, что мы не знаем истинную природу сознания, его состояний и процессов, мы заранее должны предположить, что обладаем некоторым знанием о них. Иначе не имело бы смысла заявлять, что сознание обладает состояниями и процессами, но что мы оставляем вопрос об их природе нерешенным. Тем не менее мы одновременно стремимся избежать и упрощенной бихевиористской позиции, отрицающей полезность любого «ментального» понятия. Одно из решений проблемы заключается в том, чтобы изучать язык, употребляемый при описании сознания, и использовать иные ментальные понятия, раз уж мы не можем избежать их в обыденной речи, не запутываясь совершенно. Обычно термин «сознание» употребляется в отношении универсальной характеристики, которой мы можем приписать процессы и состояния в качестве атрибутов. Так, мы говорим, что человек обладает сознанием, а сознание имеет состояния и в нем происходят процессы. Решение заключается в том, чтобы употреблять понятие «сознание» как реляционное. Тогда термин «сознание» увязывается с отношением, описывающим взаимодействие между двумя индивидами или взаимодействие индивида со своей не-социальной средой. Что же это означает? Лицо X действует в отношении лица Y таким образом, что осознает свое действие. В противном же случае он не осознает и даже может не отразить свое действие. В данном контексте слово «сознание» употребляется не как подлежащее, а как предикат, атрибут человека и его действий (Israel, 1983).

Когда же субъект начинает рефлексировать по поводу своих действий и своего знания, он начинает осознавать себя или у него начинает возникать самосознание. Я, осознающее само себя, по Миду, можно разделить на «I» и «me». Опыт Я о самом себе – полный опыт. Я может ощущать себя в качестве действующего субъекта и может рефлексировать по поводу своих действий и преобразовать себя в объект своей рефлексии. Так Я может соотносить себя с самим собой.

Рефлексия индивида по поводу самого себя и своих действий – не есть процесс непосредственный. По Миду, он опосредован направленными на индивида действиями «значимых других», при том что индивид научается принимать точку зрения других. Мид различает, как говорилось, «I» и «me». Понятие «me» собирает суждения, ценности, оценки, моральные требования «значимых» других и переводит их в свои собственные. «Me» – это уровень социализации Я, которое в свою очередь соотносит себя с действующим «I» на этом более высоком уровне контроля и ограничений. «I», будучи контролируемым «me», сохраняет все же некоторую степень независимости и импульсивности. В целом можно сказать, что «I» в качестве действующего элемента Я обладает определенной свободой действия, в то время как функция «me» становится важной при возникновении проблем и трудностей в ходе социального взаимодействия.

Благодаря Миду, реляционный подход можно применить для научного анализа на уровне общества, на уровне социального взаимодействия, а также на уровне отношения личности к самой себе.

Развертывание актов сознания в акты самосознания играет важную роль в гносеологических построениях Гегеля. Акт самосознания считается необходимым условием получения и развития знания.

Выше мы говорили о том, как понятие сознания из всеобщей категории становится реляционным понятием. Это только один пример того, как язык используется в рамках реляционного подхода. Тут лицо всегда является грамматическим субъектом, и именно ему приписываются предикаты того типа, которые при не-реляционном подходе используются как грамматические субъекты.

Я бы хотел рассмотреть это более подробно. Любое взаимодействие, мыслимое как коммуникация, имеет содержание и «стиль». Под стилем мы подразумеваем эмоциональные и экспрессивные аспекты коммуникативного акта. Например, мы говорим, что «человек X обладает высокой агрессивностью», словно бы хотим приписать ему врожденное или благоприобретенное свойство или черту. А на языке реляционной теории мы бы сказали, что «X при взаимодействии с Y в данной ситуации С действует таким образом, что в нашем повседневном языке или на языке психологии называется агрессивным». В чем же разница между этими двумя видами высказываний?

Если говорить об агрессивности как психологической черте или психологическом качестве, то скрыто или явно мы делаем допущение, что это нечто в человеке или в его личности. Если же мы говорим, что взаимодействие X с Y обладает неким эмоциональным «стилем» или характеризуется действием, совершаемым таким образом, который мы в обыденной речи называем «агрессивным», то мы делаем совершенно другое предположение. Мы допускаем, что действие человека X не зависит, или в основном не зависит, от чего-либо, что находится в его личности, и описываем его действие как нечто, происходящее между по меньшей мере двумя индивидами и зависимое от данной ситуации. Что касается морали, то реляционный подход снимает с человека всю полноту ответственности за совершенные действия и распределяет ее между всеми участниками взаимодействия и конкретной ситуацией взаимодействия. Если взять, к примеру, ситуацию военной подготовки, то естественно ожидать менее выраженного агрессивного поведения от людей, находящихся в подчиненном положении по отношению к старшим по чину, нежели наоборот.

Чтобы изменить стиль взаимодействия, мы можем изменить ситуацию взаимодействия, включая сложившуюся властную иерархию. Если некое лицо действует относительно другого лица неким определенным образом, то изменить ситуацию взаимодействия можно, пытаясь изменить либо стиль одного, либо стиль другого лица, либо ситуацию взаимодействия. То есть интеракционистский подход предполагает и ситуационный. [...]

Реляционная теория личности имеет далеко идущие последствия для понимания разнообразной социальной деятельности, в частности психиатрии или криминологии.

Я бы хотел показать это на простом примере из области психиатрии. Предположим, пациенту поставили диагноз, классифицировав его как параноика. Мы знаем, что такая атрибуция диагноза может функционировать как самоисполняющееся пророчество: персонал госпиталя имеет определенные ожидания относительно пациента, классифицированного таким образом, и если он – «хороший» пациент, то он станет жить согласно этим ожиданиям и, значит, подтвердит диагноз.

При реляционном подходе рассуждения будут такими: пациент X действует относительно психиатра Y таким образом, что на языке психиатрии это описывается как параноидальное поведение. Это происходит в ситуации, в которой X по опыту знает, что Y обладает властью заключить его на долгое время в больницу, и в которой Y ведет себя авторитарным образом относительно X. Мы бы задали здесь только один вопрос, а именно, ведет ли себя X таким же точно образом и в отношении Z или иначе: будет ли X вести себя так же, если Y убеждает его, что не хочет заключать его в больницу на длительный период и/или не будет вести себя авторитарно?

Ответственность за действия X возлагается не только на него одного, но и на Y и на саму ситуацию. В результате лечения может быть не только медикаментозным, но и состоять в замене психиатра или изменении ситуации взаимодействия. [...]

Казалось бы, против реляционного подхода можно выдвинуть веский аргумент. Мы стремимся рассматривать действие одного лица в отношении другого как нечто, происходящее *меж* ними, не пребывающее внутри самого агента. Более того, мы утверждаем, что действие или взаимодействие полностью определяются своим ситуационным контекстом или испытывают его влияние. Но если это так, то как объяснить совершение индивидом *одного и того же* действия в *различных* ситуациях и в отношении *различных* индивидов? Разве его повторяющиеся действия не зависят от присущих ему личных качеств, вполне постоянных и вместе составляющих «неизменяющую» структуру личности человека? Разве это не контраргумент против систематизированной реляционной теории?

Одно из объяснений *одинаковых* действий человека в *различных* ситуациях и в отношении различных людей может заключаться в совершении человеком категориальной ошибки (я заимствовал данный термин у Г.Райла – см. Ryle, 1963).

Вкратце, по моему определению, категориальная ошибка может состоять в том, что два элемента *одного* логического класса разводят в два различных класса и формулируют предложения с использованием какого-либо союза (например, когда говорят о «душе» и «теле» в традициях картезианства). Вторая категориальная ошибка может заключаться в том, что два элемента из *различных* логических классов сводят в *один* класс (например, человек относится к своей жене как к матери). Человек, который в кажущемся противоречии с реляционной теорией действует вразрез с конкретной ситуацией, совершает категориальную ошибку. [...]

При каких же условиях человек совершает категориальную ошибку такого рода? Один из ответов заключается в том, что данный человек в течение определенного времени, скажем в детстве, был подвержен длительному воздействию коммуникации двойного сопряжения (double-bind communication), что может затруднить ему соотнесение себя с некоей ситуацией специфическим для данного случая образом, если эта ситуация напоминает ему о коммуникации двойного сопряжения.

Определение коммуникации двойного сопряжения предложил Г.Бейтсон: во-первых, необходима ситуация коммуникации, в которой участвуют по меньшей мере двое; во-вторых, необходимо наличие двух противоречащих друг другу предписаний. Вторичное предписание подкрепляется страхом наказания или «сигналами, указывающими на угрозу выживанию» (Baetson, 1973). Оно может быть выражено вербально, а может и принять форму жестов, тона

и т.д. В вербализованной форме оно может быть выражено как: «Не считай это наказанием», или «Не считай меня тем, кто наказывает», или «Не подчиняйся моему запрету», или «Не сомневайся в моей любви, примером которой является первичный запрет» и т.д. (Baetson, 1973, p.178–179).

В-третьих, включается и «отрицательное» предписание, запрещающее жертве выйти из ситуации.

Согласно Бейтсону, вторичное негативное предписание есть акт мета-коммуникации такого рода, что, если лицо действует в соответствии с ним, то оно не может действовать в согласии с первым предписанием, а если следует первому предписанию, то не может действовать согласно второму. В обоих случаях жертва рискует быть наказанной.

В результате жертва постоянно подвергается противоречивой коммуникации и угрозе наказания, что бы она ни делала. Одновременно она лишается возможности избежать угрожающего взаимодействия. В такой ситуации личность может действовать совершенно стереотипно, будучи, следовательно, неспособной соотнести себя с другой личностью специфическим для ситуации образом. В результате жертва испытывает большие трудности: во-первых, в правильной классификации сообщений другого, например, у нее могут быть сложности в различении коммуникации и мета-коммуникации; во-вторых, сложности могут быть в правильной классификации своих собственных сообщений; в-третьих – в том, чтобы полагаться на свое собственное восприятие ситуации.

Если человек однажды находился в ситуации двойной коммуникации, то в следующий раз достаточно наличия любой составляющей двойной коммуникации, чтобы вызвать у него панику или ярость. Такой тип реакции оказывается доминирующим и не позволяет человеку соотносить себя с другими индивидами в конкретной ситуации и полагаться на собственное восприятие. (см. подробнее об этом: Israel, 1979b).

6. ДЕЙСТВИЕ И ПРАКТИКА (PRAXIS)

Мы можем и должны изучать социальный мир и самих себя на двух взаимосвязанных уровнях, если хотим избежать одностороннего структурализма или одностороннего индивидуализма⁵.

Первый уровень – это уровень индивидуального действующего (individual actor), рассматриваемого как существо социальное. Назвать человека «действующим» – значит рассматривать его как существующее и активное, анализирующее и рефлектирующее свои социальные отношения. В данном контексте быть социальным существом означает употреблять язык. Употреблять язык означает действовать, хотя и не все действия являются речевыми актами. Невербальные акты передают смысл действий настолько, насколько мы можем обговаривать их, называть и описывать их, даже если подобные описания неясны, неотчетливы и двойственны (неточные описания также являются описаниями).

Поскольку человек рассматривается как действующее существо, понятие *действия* имеет решающее значение для анализа на уровне индивида. Действие подразумевает изменение, то есть изменение наличного положения вещей. Отсюда процесс, понимаемый как изменение, преобразование, отмена (abrogation), лежит в основе структуры. Далее, структура рассматривается как временно сохраняющиеся, но изменяющиеся формы процесса. В традиционной

⁵ В этой связи иногда противопоставляют волюнтаристский подход детерминистскому или различают субъективистскую и объективистскую позиции. Я этого не делаю, поскольку различия между ними двусмысленны и предполагают, что исследователь должен занимать определенные гносеологические позиции, которых я не разделяю.

социальной науке структура считается основой, а процесс – характерной чертой или качеством структуры (Israel, 1979a).

На *втором* уровне мы изучаем общественный мир и человека, но не отдельного индивида, а субъекта и субъективное в качестве всеобщих категорий. Мы изучаем *общественные отношения*.

Общественные отношения рассматриваются как всеобщие отношения между человеком и его социальной и физической средой, посредством которых человек производит, воспроизводит и преобразует существующую природу, ранее преобразованные человеком природу и общество, или социальную реальность с ее институтами. Другими словами, мир материальных и социальных объектов производится и воспроизводится.

Говоря выше об анализе действия на индивидуальном уровне, мы употребляли понятие «социальные отношения». Здесь же мы говорим об «общественных отношениях». Понятие «социальные отношения» относится к взаимодействию по крайней мере двоих. Анализ «общественных отношений», в свою очередь, может абстрагироваться от конкретных индивидов. Мы можем, например, анализировать отношения производства в капиталистической общественной системе, не затрагивая действий конкретных капиталистов и рабочих.

Деятельность по производству, воспроизводству, изменению и преобразованию, по трансцендированию (в гегелевском смысле понятия *Aufhebung*)⁵ отношений определяется здесь как практика (*praxis*).

Практика⁶ совершается в рамках установившихся отношений собственности, отношений, управляемых правовыми и моральными нормами в рамках властных отношений и связанного с ними разделения труда. Все они рассматриваются как общественные отношения. *Все эти существующие отношения – продукт предшествовавшей практики*. Они способствуют повторяющейся практике и функционируют как ограничения – структурные ограничения, если хотите – по отношению к существующей практике, пытающейся изменить структурные ограничения системы⁷.

Для практики характерна взаимосвязь между ограничивающими и преобразующими общественными отношениями. Вследствие этого, практика – это деятельность, «которая приводит к изменениям и в то же время является продуктом изменений и соответственно изменяется в самом процессе преобразования» (Israel, 1979a, p.39–40). Иными словами, практика содержит в себе собственное отрицание, производя те самые ограничения, которые налагают пределы на нее самое. Это означает, что практика как процесс трансформирования и трансцендирования объективируется в виде общественных институтов. Последние рассматриваются в качестве временной структуры – сферы, по выражению Сартра, практико-инертного. Таким образом, практику следует анализировать диалектически: как текущую общественную преобразующую деятельность и как совокупность социальных институтов с определенной структурой, которая в свою очередь сдерживает и ограничивает «свободную и целенаправленную» практику. В итоге, общественные институты – это не только объективированные результаты предшествовавшей практики: они в то же время –

* снятие (нем.) – *Прим. пер.*

⁶ Смысл термина «практика», употребляемого в данном тексте, отличается от употребления его Аристотелем, различавшего «*praxis*» и «*poiesis*».

⁷ Э.Гидденс разбирает те же проблемы в русле теории структуризации. Он различает три типа ограничений: 1) ограничения материального свойства, налагаемые физическими возможностями человека и его физической средой; 2) власть как ограничение, выраженное в виде различного рода санкций, и, наконец, 3) структурные ограничения, «устанавливающие пределы спектра выбора для действующего субъекта или множества действующих субъектов при данных обстоятельствах или при данном типе обстоятельств» (Giddens, 1984, p.127).

субъект общественных процессов, детерминирующих текущую практику. Отсюда следует, что практика полагает саму себя и к тому же опосредуется своими объективированными ограничениями. (Практика, трансцендирующая свои собственные объективированные ограничения, является, по Марксу, «революционной практикой» – см. Israel, 1985.)

Действие и практику объединяет связь с процессами изменения, преобразования, снятия и т.д., а разделяет с ними принадлежность к другому уровню анализа и объяснения. Понятие действия служит для описания процессов изменения под углом зрения отдельного индивида как действующего субъекта. Понятие же практики служит для описания процессов под углом зрения общества как целого.

Практика и действие диалектически взаимосвязаны: объективированные продукты предшествующей практики существуют в форме властных отношений и правил и в форме институтов, созданных этими отношениями и правилами, а институты, в свою очередь, поддерживают их. Институты ограничивают и сдерживают действие, если оно проявляется в форме индивидуальной деятельности. Совместные же индивидуальные действия, в свою очередь, могут со временем трансформировать и трансцендировать существующую общественную практику и ее объективированные результаты и могут через нарушение норм и правил открыть практике новые пути.

7. ОБ ОГРАНИЧЕНИЯХ: ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА

В своем ставшем классическим «Введении в кибернетику» Росс Эшби дает формальное определение ограничения: «Это *отношение* между двумя множествами, которое возникает, когда разнообразие, существующее при одном условии, меньше, чем разнообразие, существующее при другом условии» (Росс Эшби, 1959, с.181). В качестве примера он приводит школу для мальчиков, в которой разнообразие полов равно нулю. Для того чтобы понять степень ограничения, необходимо знать максимальную степень разнообразия в данном контексте. «Таким образом, интенсивность ограничения [разнообразия] проявляется в том, насколько оно уменьшает число возможных расположений (вариантов, arrangements)». Эшби добавляет: «По-видимому, невозможно расклассифицировать ограничения [разнообразия] каким-либо простым способом, ибо они включают все случаи, в которых некоторое множество, по какой бы то ни было причине, оказывается меньшим, чем оно могло бы быть» (Росс Эшби, 1959, с.182). [...]

Следовательно, физический и социальный мир полон ситуаций ограничения. По этой причине важно применять это понятие в теоретическом анализе. Мы настолько привыкли к существованию ограничений, пишет Эшби, что принимаем их как нечто само собой разумеющееся и даже не всегда осознаем их существование. Если научную деятельность рассматривать не только как поиск решений проблем, но и как деятельность по постановке проблем, касающихся того, что считается очевидным или воспринимается как «естественное», то снова понятие ограничения исключительно полезно. «Чтобы представить себе мир, лишенный своих обычных ограничений [разнообразия], нам пришлось бы обратиться к волшебным сказкам или к «сумасшедшему» фильму, а ведь даже в них отсутствует лишь некоторая часть всех ограничений. Мир без ограничений [разнообразия] был бы полностью хаотическим» (Росс Эшби, 1959, с.187). [...]

Поскольку общество можно рассматривать как иерархическую многоуровневую систему, то ограничения можно анализировать на любом уровне, так же, как один уровень можно рассматривать в качестве ограничения по отношению к другому.

Взятая как общественная деятельность, практика создает собственные ограничения в виде объективированных результатов предшествовавшей практики. Отсюда анализ общественной практики с необходимостью носит диалек-

тический характер, являясь анализом процессов, сдерживаемых подобными ограничениями, и одновременно процессов отрицания и снятия ограничений. Как указывалось, при данном определении практики ее можно изучать безотносительно к отдельным субъектам, но не безотносительно к таким коллективным субъектам, как группы, классы, нации и т.д. [...]

Первый уровень, на котором мы обнаруживаем ограничения, – это уровень биологического строения нашего организма и физической структуры окружающего мира. Историю развития техники можно представить как историю попыток преодолеть биологические и физические ограничения: самолет и подводная лодка, микроскоп и телескоп – упомянем немного – позволили нам преодолеть ограничения, налагаемые строением нашего биологического тела и физического мира. На этом уровне теория должна принимать в расчет развитие науки, приведенное к формулированию естественных законов и их применению для того, чтобы преодолеть ограничения биологического и физического свойства. С точки зрения социальной науки теория на этом уровне должна учитывать историю науки и техники и соотносить ее с экономическим и социальным развитием, указывая на их взаимосвязь. Теория также должна исследовать, как успешное преодоление ограничений порождает новые ограничения. Один из примеров – процесс ядерного синтеза, применение которого для получения энергии ограничено трудностями достижения высоких температур, необходимых для реакции.

В противовес обыденным представлениям о том, что «законы природы» *вынуждают* нас вести себя так, а не иначе, я хочу подчеркнуть, что «законы природы» не «делают» ничего подобного. Мы сами сформулировали «законы природы» относительно наблюдаемых, повторяющихся и постоянных явлений. Законы природы не вынуждают нас совершать определенные действия, но, скорее, препятствуют нам совершать их, что тем не менее не исключает свободы человеческого выбора. Согласно закону всемирного тяготения, мы не можем летать, не применяя технических средств, однако закон не может помешать человеку выбраться из окна, если он принял такое решение и готов к его последствиям. Это важно подчеркнуть, поскольку на всех уровнях ограничений, которые мы анализируем, существует определенная свобода выбора *при условии, что мы готовы принять его последствия* (что идет вразрез с мотивационной теорией, согласно которой «движущие силы», якобы принуждают нас совершать определенные действия). Положение о «свободе выбора» играет важную роль и имеет серьезные последствия как теоретического, так и морального плана.

Переходя от мира физического к миру социальному, мы обнаруживаем все больше сложностей и все меньше законов. *Второй* уровень ограничений – уровень социальной системы. Существующие экономические, социальные, политические и культурные процессы и их внутренняя динамика устанавливают пределы наших возможностей действовать. И снова данное утверждение имеет силу при условии, что мы готовы следовать «правилам игры» и считать санкции против определенных типов действия запретительными. Наличные отношения собственности, властные отношения и общественное разделение труда, правовые нормы, традиционный образ действий, обычаи и унаследованные мнения, также как и принадлежность к полу, классу, этнической группе, – все они вместе составляют запретительные и ограничительные условия. Их можно суммировать, сказав, что мы появляемся на свет в уже сложившейся социальной системе, характеризующейся упомянутыми общественными отношениями и процессами, ограничивающими нашу волю. Очевидно, не нужно говорить, что как индивиды мы обладаем некоторой свободой выбора, на что указывают такие феномены, как преступность, военные перевороты, контркультура и т.д. [...]

В связи с этим вызывает сомнения вышеупомянутая концепция Э.Дюркгейма, согласно которой «способы мышления, деятельности и чувствования обладают тем примечательным свойством, что существуют вне индивиду-

альных сознаний» и «не только находятся вне индивида, но и наделены принудительной силой, вследствие которой они навязываются ему независимо от его желания» (Дюркгейм, 1991, с.412). Если двусмысленная фраза «существуют вне сознания» означает, что мы зачастую действуем, не ведая, что творим, или не задумываемся о своих поступках и нормах, которые, возможно, влияют на них, то у нас нет возражений. Но мы не согласимся с ней, если она означает, что существует нечто «вне нашего сознания», «независимое от наших желаний», нечто, о чем мы не можем даже помыслить, или нечто, что мы не можем критически оценить, и, следовательно, вынуждающее нас действовать определенным установленным образом. Если Дюркгейм полагает, что «социальные факты» обладают принудительной силой и вынуждают субъекта действовать независимо от собственного выбора, то и в этом случае мы подвергнем сомнению подобную концепцию: никакие «социальные факты» никого принудить не могут, если сам индивид того не желает и готов к последствиям своего отказа действовать принятым образом.

Теории, анализирующие проблемы ограничений на этом уровне, — это теории социологического и экономического плана. На *третьем* уровне мы имеем дело с ограничениями со стороны организаций, в которых живем и работаем: семьи, предприятия, добровольных общественных объединений. Здесь проявляются ограничения двух типов: во-первых, существующее разделение труда препятствует переменам. Более того, распределение власти и авторитета, благодаря процессам второго уровня, проявляется в повседневном функционировании данных организаций. Будучи помещенными в иерархическую организационную структуру, ее члены ограничены в своих действиях и зачастую вынуждены действовать вопреки своим целям или целям, которым общество в целом придает большую ценность.

Во-вторых, во всех этих организациях существуют правила и нормы, как связанные с целями и деятельностью подобных организаций, так и связанные с использованием ресурсов, находящихся в распоряжении организаций. Особенный интерес в данном контексте представляют рабочие места. В обществе, пожалуй, не существует другой сферы, где теории мотивации использовались бы столь широко, как при объяснении того, почему люди трудятся или не трудятся и как стимулировать их к труду. «Мотивация стала проблемой как для социальных наук, так и для самой организации труда только тогда, когда исчез или был утерян смысл труда... Вследствие этого теории мотивации превратились в суррогат поиска смысла труда» (Sievers, 1984, p.3).

Сложность анализа трудовых отношений определяется самой организационной структурой многих рабочих мест: она более или менее авторитарна, со структурой команд, похожей на военную, и однонаправленными каналами коммуникации. В демократическом обществе, где люди приучены принимать демократические средства и цели как свои собственные и стремиться к ним, реальный опыт происходящего на рабочем месте противоречит официально принятым целям общества, и потому служит ограничением его автономии.

Не принимая в расчет законные стремления и ожидания работников, ими пытаются «управлять» посредством «сил мотивации». Все это делается на основе предположения о том, что работники не способны, не желают или не в состоянии уразуметь технические, организационные и социальные аспекты трудового производственного процесса (как и общественных институтов в целом). Надуманное понятие «природы человека» составляет основу теорий мотивации, пытающихся описать «потребности», которые необходимо «активизировать» или породить, чтобы добиться от работников «удовлетворения» трудом. Отсюда возникли все эти теории, начиная с «научной организации труда» до «человеческих отношений» на производстве и квази-«участия» в управлении, предлагающие рецепты «стимулирования мотивации к труду», основанной на «потребностях». Теории мотивации объединяет убеждение в необходимости подтолкнуть человека, чтобы он стал активным. Теория организаций реже мыслит

в терминах преград и ограничений, которые нужно *устранить*, чтобы облегчить совершение действия. [...]

Обратимся к *четвертому* уровню ограничений – уровню межиндивидуальных действий и взаимодействий. На этом уровне встречаются ограничения двух типов: во-первых, ограничения, вызванные взаимодействием при соблюдении формальных правил и предписанных ролей (например, взаимодействие между военнослужащими разных званий) или вызванных взаимодействием, на которое влияют положение и престиж взаимодействующих индивидов (например, взаимодействие прихожанина и священника, врача и пациента). Во-вторых, в самом процессе коммуникации встречаются ограничения всех уровней, поскольку все виды вербальной коммуникации и все тексты следует понимать в конкретном контексте.

К четвертому уровню относятся теории коммуникации, имеющие дело и с проблемами гносеологии (Israel, 1983), и социально-психологические теории взаимодействия.

На *пятом* и последнем уровне индивид сам устанавливает для себя ограничения, беспокоясь, не веря в свои силы или не зная, как преодолеть эти преграды. «Когда ограничения резко сужают выбор вероятных альтернатив, действующему субъекту не остается ничего другого, кроме как уступить» (Giddens, 1984, p.309). А к фактическим ограничениям, вытекающим из критического анализа ситуации действующим субъектом, могут прибавляться ограничения, существующие изначально в виде мнения действующего субъекта о себе и своих способностях. До тех пор пока действующий субъект не решается поступить вопреки наложенным на себя ограничениям, последние будут препятствовать приобретению им опыта, который изменил бы его самооценку. На этом уровне психологическая теория вполне адекватна.

Краткая характеристика уровней различных типов ограничений приводит к следующим выводам.

1. Существуют различные типы ограничений, и значение термина зависит от контекста. На каждом уровне анализа ограничения следует анализировать в конкретном контексте.

2. Каждый уровень анализа требует своего теоретического подхода. Как указывалось выше, на втором уровне анализа следует применять социологическо-экономические теории; на третьем – в спектре теорий организации психология мотивации должна быть заменена теорией организационных ограничений; на четвертом уровне адекватны теории социальной психологии и теории коммуникации; на пятом уровне необходим анализ с помощью психологических теорий. В противовес теориям мотивации, претендующим на всеохватность, мы выступаем за применение целого набора теорий, адекватных анализу на каждом конкретном уровне и анализу любых проблем, возникающих в конкретном контексте. В объяснении явлений действительности общим для этого набора теорий стало понятие человеческого действия и ограничений действия.

3. Разработка социальных теорий, адекватных анализу на каждом отдельном уровне, позволит избежать как редуccionистского, так и контр-редуccionистского теоретизирования.

Наконец, остается незавершенной задача создания общей теории ограничений, которая объединила бы теории, применимые к различным уровням ограничений. Не вдаваясь в подробности, можно ее обрисовать в самых общих чертах: заимствовав из биологии концепцию «иерархии уровней», из пяти уровней анализа ограничений можно составить иерархию, так, чтобы низшие уровни налагали ограничивающие условия на высшие, и наоборот. Это продвинет анализ одной из центральных проблем социологии: проблемы отношения между действием индивида и общественной практикой или между процессами индивидуального характера и индивидуальной деятельностью, с одной стороны, и общественными процессами и структурами – с другой.

ЛИТЕРАТУРА

- Дюркгейм Э.** О разделении общественного труда. Метод социологии. Пер. с фр. М.: Наука, 1991.
- Маркс К. и Энгельс Ф.** Сочинения. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1956.
- Росс Эшби У.** Введение в кибернетику. Пер. с англ. М.: Изд-во иностранной литературы, 1959.
- Arendt H.** The Human Condition. Chicago, 1965.
- Baetson G.** Steps to an Ecology of Mind. Frogmore, 1973.
- Bauer O.** Marxismus und Ethik. In: H.J.Sandkhler and R. de la Vega (Hg.). Austromarxismus. Frankfurt a.M., 1970.
- Bernstein R.** The Restructuring of Social and Political Theory. Philadelphia, 1978.
- Flojstad G.** (ed.). Contemporary Philosophy. Vol.3: Philosophy of Action. Dordrecht, etc., 1986.
- Giddens A.** The Constitution of Society. Cambridge, 1984.
- Heller A.** The Theory of Need in Marx. London, 1976.
- Israel J.** The Language of Dialects and the Dialects of Language. Copenhagen, etc., 1979a.
- Israel J.** Om relationistik socialpsykologi. Gothenburg, 1979b.
- Israel J.** Alienation and Anomie: A Dialectical Approach. In: S.G.Shoham and A.Grahame (eds.). Alienation and Anomie Revisited. Tel Aviv, 1982a.
- Israel J.** Om konsten att bloesa upp an ballong inifroen. Gothenburg, 1982b.
- Israel J.** Knowledge and Culture. In: G.Bergendal (ed.). Knowledge and Higher Education. Stockholm, 1983.
- Israel J.** Handlung, Praxis, Vermittlung und Zwang. In: G.Grauer et al. (Hg.). Die Praxis und das Begriepen der Praxis. Kassel, 1985.
- Israel J.** Världsbild och vardagsspråk // Tvärsnitt, 1987, v.4, p.46–52.
- Lukes S.** Individualism. Oxford, 1973.
- Mead G.H.** Mind, Self and Society. Chicago, 1965.
- Mills C.W.** Situated Actions and the Vocabularies of Motives. In: Power, Politics and People. New York, 1963.
- Ollman B.** Alienation: Marx's Concept of Man in Capitalist Society. Cambridge, 1971.
- Peters R.S.** The Content of Motivation. London, 1963.
- Rorty R.** The Contingency of Language // London Review of Books, 17.04.1986.
- Ryle G.** The Concept of Mind. Harmondsworth, 1963.
- Sartre J.P.** Being and Nothingness. New York, 1966.
- Schaffer R.** A New Language for Psychoanalysis. London; New Haven, 1976.
- Scott M. and Lyman S.M.** Accounts // American Sociological Review, 1968, v.33, p.46–62.
- Sievers B.** Motivation as a Surrogate for Meaning. 1984.
- Smedslund J.** What is Necessary True in Psychology? In: Y.R.Royce and L.P.Mos (eds.). Annals of Theoretical Psychology. Vol.2, 1984.
- Taylor C.** The Explanation of Behavior. London, 1964.
- Taylor C.** Philosophy and the Human Sciences. Vol.2. Cambridge, 1985.
- Tuomela R.** Explanation of Action. In: G.Flojstad (ed.). Contemporary Philosophy. Vol.3: Philosophy of Action. Dordrecht, etc., 1986.
- Wittgenstein L.** Philosophical Investigations. Oxford, 1968.
- Wright G.H., von.** Om behov // Filosofisk tidskrift, v.3, p.1–12.